

**Искусство быть никем.
Как отказаться от погони
за величием и обрести
покой**

Константин Ермин

Константин Ермин

Искусство быть никем. Как отказаться от погони за величием и обрести покой

<https://litres.ru/74317843>

SelfPub; 2026

Аннотация

Современная цивилизация создала самую изощрённую религию в истории человечества — религию успеха. Её догматы...

Ты должен расти (доход, статус, влияние).

Ты должен быть счастлив (и если нет — ты неудачник).

Ты должен верить (в себя, в процесс, в светлое будущее).

Ты должен транслировать (успех, позитив, уверенность).

Эта религия не просто требует — она наказывает. За стагнацию — тревогой. За сомнение — виной. За грусть — социальным остракизмом. За отказ от гонки — ярлыком "выгоревшего".

Мы написали эту книгу, чтобы дать тебе интеллектуальное и духовное оружие против этой новой системы, которая делает из тебя раба. Мы не против успеха как такового — мы против рабства под видом свободы.

Содержание

Искусство быть никем: Как отказаться от погони за величием и обрести покой	4
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ПОЧЕМУ ЭТА КНИГА НУЖНА	5
ЧАСТЬ I. ДИАГНОЗ: КУЛЬТУРА ДОСТИЖЕНИЙ КАК НОВАЯ РЕЛИГИЯ	6
Глава 1. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ КОУЧИНГА	6
Глава 2. ПОЗИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ	26
ГЛАВА 3. ДОСТИГАТЕЛЬСТВО КАК ЗАВИСИМОСТЬ: ПОЧЕМУ ТВОЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ — ЭТО КРИК О ПОМОЩИ	42
ЧАСТЬ II. ИНСТРУМЕНТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ	60
ГЛАВА 4. ИСКУССТВО БЕЗДЕЙСТВИЯ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Константин Ермин

**Искусство быть никем. Как
отказаться от погони за
величием и обрести покой**

**Искусство быть никем: Как
отказаться от погони за
величием и обрести покой**

Книга о том как перестать быть рабом достижений и обрести подлинную свободу

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ПОЧЕМУ ЭТА КНИГА НУЖНА

Современная цивилизация создала самую изощрённую религию в истории человечества — религию успеха. Её догматы:

Ты должен расти (доход, статус, влияние).

Ты должен быть счастлив (и если нет — ты неудачник).

Ты должен верить (в себя, в процесс, в светлое будущее).

Ты должен транслировать (успех, позитив, уверенность).

Эта религия не просто требует — она наказывает. За стагнацию — тревогой. За сомнение — виной. За грусть — социальным остракизмом. За отказ от гонки — ярлыком "выгоревшего".

Мы написали эту книгу, чтобы дать тебе интеллектуальное и духовное оружие против этой новой системы, которая делает из тебя раба. Мы не против успеха как такового — мы против рабства под видом свободы.

ЧАСТЬ I. ДИАГНОЗ: КУЛЬТУРА ДОСТИЖЕНИЙ КАК НОВАЯ РЕЛИГИЯ

Глава 1. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ КОУЧИНГА

Религия без Бога, секта без храма, спасение без благодати

В 1882 году Фридрих Ницше вложил в уста безумца слова, которые до сих пор отдаются эхом в европейской культуре: «Бог умер. Бог остаётся мёртвым. И мы убили его». Ницше не был атеистом в пошлом смысле этого слова. Он констатировал факт мирового масштаба: великая идея, державшая западную цивилизацию две тысячи лет, утратила свою силу. Скрижали разбиты. Пустота зияет.

Но человек, как существо смысловое, не выносит пустоты. Вакуум невыносим физиологически — он требует заполнения здесь и сейчас. Человек заполняет её немедленно — чем угодно, лишь бы не видеть бездны. Как писал Карл Ясперс, комментируя Ницше: «Вся наша европейская культура давно уже движется с мучительным напряжением... навстречу катастрофе; движется не спокойно, а судорожно,

стремительными рывками, словно через силу: "скорей бы уж конец, лишь бы не опомниться, ведь очнуться и опомниться так страшно"».

И вот на месте трансцендентного возникают новые идола. Карл Густав Юнг, анализируя ницшеанскую трагедию, заметил нечто важное: «Ницше не был атеистом, но его Бог умер. Результатом был внутренний раскол». Этот раскол привел к «инфляции» — когда эго, лишившись божественного противовеса, раздувается до небес. Энергия, прежде направленная на служение высшему, теперь направляется исключительно на собственное «я». Возникает человек-бог. Человек-достижение. Человек-проект. Именно эта инфляция Эго есть скрытая пружина современного культа успеха. Коучинг приходит не как инструмент самопомощи, а как новая религия, где место священника занимает гуру, место храма — вебинарная комната, а место спасения — следующий тариф воронки продаж.

Давай честно: ты когда-нибудь чувствовал, что за последние десять лет вокруг тебя вырос странный зоопарк? Какие-то люди с микрофонами, с горящими глазами и с книгами, которые они пересказывают друг другу, как молитвы. Гуру. Наставники. Трансформационные тренеры. Коучи. Бизнес-менторы. У них есть свои термины, свои ритуалы, свои грехи, своё представление о рае и аде. И самое смешное —

или страшное, — они правда в это верят. Или делают вид настолько убедительно, что разницы больше нет. Они хотят, чтобы ты тоже поверил. Современный коучинг и инфобизнес — это не обучение. Это проповедь. Это полноценная религиозная система, которая заняла кафедру, оставленную традиционными церквями. Она эксплуатирует те же экзистенциальные страхи, обещает то же спасение и требует той же слепой веры. Разница лишь в том, что старые религии хотя бы делали вид, что спасают душу для вечности. Новые честно говорят: плати — и получишь успех в этой жизни. Только вот успех, как выясняется, — это товар. А его цена — твоя жизнь.

Священные тексты и канон

В любой религии есть канон — собрание текстов, которые нельзя критиковать, которые цитируют по памяти, которыми благословляют новобрачных и хоронят усопших. В религии успеха этот канон сформировался за последние сто лет — и он не менее священен, чем Библия для христиан или Коран для мусульман. Христианству понадобилось почти четыре века споров на Соборах, чтобы утвердить Новый Завет. Религии успеха хватило тридцати лет агрессивного маркетинга.

Вот этот канон:

Наполеон Хилл, «Думай и богатей» (1937). Книга, с которой всё началось. Хилл работал по прямому заказу Эндрю Карнеги, одного из самых безжалостных промышленников в истории США. Карнеги хотел идеологическую базу — текст, который легитимизирует концентрацию капитала и объяснит бедным, почему они бедны (у них просто неправильные мысли). Хилл написал книгу, собрав байки под видом научного исследования. Проблема в том, что его «принципы успеха» никогда не были подтверждены научно. Это набор аффirmаций и баек, рассказываемых с апломбом пророка. Священное Писание, написанное по заказу богатейшего человека своего времени ради продаж, — оксюморон, который почему-то никто не замечает.

Ронда Бирн, «Секрет» (2006). Евангелие визуализации. Книга, которая объяснила, что вселенная работает по принципу «закона притяжения». Если хочешь денег — визуализируй деньги. Хочешь любви — визуализируй любовь. Никакой работы, никакого труда, никаких налогов — просто правильные вибрации. Бирн продала свои идеи так успешно, что книга разошлась тиражом более 30 миллионов экземпляров. Забавно — сама Бирн до выхода книги была телевизионным продюсером, а не экспертом по метафизике. Но кто это проверял? Вера не требует справок.

Стивен Кови, «7 навыков высокоэффективных людей» (1989). Попытка придать культу академическое лицо. Кови был профессором, у него была методология, система

координат. Но его система оказалась глубоко религиозной, замешанной на этике американских мормонов. Впрочем, это не помешало книге стать настольной библией менеджеров госкорпораций — она продается миллионными тиражами до сих пор, потому что упаковывает дисциплину в обертку духовного роста.

Интересно наблюдать, как формируется канон. Тексты этой религии создавались не для спасения душ, а для продаж. Хилл работал на Карнеги, Бирн работала на издательства, Кови работал на корпоративный сектор. Моисей индустрии успеха получил скрижали напрямую от стального магната.

Пророки, апостолы и иерархия греха

Есть тексты — значит, есть и те, кто их толкует. Пророки. Гуру. Апостолы. Их имена звучат на огромных стадионах, их книги стоят на полках в каждом «продвинутом» офисе, их голоса звучат в наушниках менеджера во время утренней пробежки.

Тони Роббинс. Самый успешный проповедник этой религии. По разным оценкам, его империя генерирует от 1 до 5 миллиардов долларов в год. Он не придумал ничего нового — он просто переупаковал идеи Хилла в энергичные выступления с прыжками по сцене, хождением по углям и криками в микрофон. Люди платят сотни и тысячи долларов

не за информацию. Информация стоит копейки. Они платят за право побыть рядом с человеком, который излучает абсолютную уверенность. Они платят за иллюзию прикосновения к силе. Роббинс — фигура, похожая на Билли Грэма. Но Грэм проповедовал Христа. Роббинс проповедует доллар и адреналин.

В России своя кафедра. Вспомним «Бизнес Молодость» — один из первых и наиболее показательных проектов этого жанра. Основанный в начале 2010-х как студенческий клуб обмена опытом, он быстро превратился в машину по продаже эмоций. Критики обвиняли создателей в использовании манипуляции страхом и других приемов управления толпой. Обещанные доходы выпускников оказывались статистически преувеличенными. В 2018 году компания начала публично разваливаться, а в 2020-м окончательно закрылась. Но дело не в «Бизнес Молодости» как таковой. Дело в модели, которую они — и тысячи других — растиражировали. Алексей Толкачёв с его стадионными ревами, Андрей Парабеллум, строящий империи на идее «быстрых денег», или более интеллектуальный Ицхак Пинтосевич — суть одна. Иерархия строится просто: гуру в центре. Вокруг — ближний круг («золотой состав», «алмазная лига»). Дальше — менторы, проводящие потоковые курсы. Внизу — последователи, которые платят десятину, чтобы получить благословение, посидеть в первом ряду и однажды самим стать гуру.

У каждого из этих пророков — своя биография. И у всех она написана под копирку: я был нищим/толстым/одиноким, я страдал, я нашел Метод (откровение снизошло в гараже/дорогом отеле/на горе), я стал свободным, и теперь я делюсь методом с тобой. Это классический житийный сюжет — история страдания и вознесения. Евангелие, где ты, читатель, — главный герой. Только для того, чтобы вознестись вместе с автором, тебе нужно купить билет. Курс. Тариф «Премиум».

Эта схема стара как мир. В 1950-е годы Рон Хаббард, основатель саентологии, строил свою империю на том же принципе: «Я был бедным и несчастным, я нашел Путь, и вы тоже можете, если будете платить». Разница в том, что Хаббард создал полноценную религию, юридически зарегистрированную в США. Современные коучи — это, по сути, саентологи без регистрации. Те же уровни посвящений (ОТ-уровни превратились в ступени курса), та же лестница трат, те же деньги. Только вместо дианетики — системное мышление, вместо клиринга — проработка родовых сценариев, а вместо ОТ-8 — доступ к закрытому чату «для своих» за тысячу долларов.

Ритуалы, практики и архитектура контроля

В религии есть ритуалы. Это важно — потому что ритуа-

лы создают привычку, а привычка атрофирует критическое мышление и создает зависимость. Молитвы, посты, исповедь — всё это структурирует жизнь, подчиняя её ритму, который задаёт священник.

В религии успеха ритуалы доведены до абсурда и называются «утренними практиками». Вставай в 5 утра. Нет, не в 6:00 — в 5:00. Успешные люди встают в 5. У них есть чек-лист. Медитация (15 минут). Аффирмации перед зеркалом («Я магнит для денег»). Ледяной душ. Запись ста целей. Дыхательные упражнения по Вим Хофу. Всё это нужно успеть сделать до того, как проснется семья и начнется рабочий день. Если ты не успел — ты уже проиграл. Ты ещё даже не начал день, а уже находишься в статусе должника перед Вселенной.

Есть доски визуализации — коллажи богатой жизни, которые нужно смотреть каждый день, чтобы квантовое поле поняло твой запрос. Есть дневники целей — их нужно переписывать каждое утро 33 раза, подключая мышечную память. Есть «письма благодарности себе в будущее». Есть утренние страницы Джулии Кэмерон, куда нужно сливать токсичные мысли, чтобы освободить сосуд для изобилия. Всё это работает как молитва. Молитва — это разговор с Богом. Аффирмация — разговор с собой. Разница в том, что Бога никто не видит — но когда ты говоришь с собой, глядя в

зеркало, ты создаешь мощную иллюзию тотального контроля. Ты делаешь вид, что управляешь реальностью своим голосом. Что если ты скажешь себе достаточно раз «я богат», нейронные связи перестроятся, и вселенная пришлет желаемое.

Это не случайное сходство. В раннем христианстве молитва была живым, импровизационным разговором. К III веку отцы церкви начали бороться с формализмом — Иоанн Златоуст обличал тех, кто «читает молитвы губами, но спит умом». Церковь проиграла: ритуал победил веру. Современные утренние практики — это финальная стадия того же процесса. Сначала ты делаешь это осознанно, потом — по привычке, потом начинаешь чувствовать иррациональную вину, если пропустил. В какой-то момент ритуал перестает давать результат — тревога возвращается, деньги не приходят. Но ты продолжаешь, потому что боишься, что без ритуала рухнет вообще всё. Это и есть точка невозврата, идеальный контроль.

Догматика, грехи и экономика индульгенций

В религии есть грехи. Деяния, за которые тебя накажут — в жизни отлучением, а после смерти — вечными муками. В религии успеха грехи тоже есть. И наказание наступает немедленно, неотвратимо.

Самый большой грех — лень. Если ты не работаешь над собой 24/7, ты неудачник. Если ты спишь до семи утра, ты несерьёзный человек без амбиций. Если у тебя нет списка задач на день, с цветовым выделением по приоритетам, ты плывёшь по течению. Лень — это первородный грех. Потому что лень — это отказ от достижения. А отказ от достижения — это отказ от спасения.

Следующий грех — пессимизм, сомнение и отсутствие восторженности от всего вокруг. Ты должен быть позитивным. Всегда. Даже когда хоронишь близких или теряешь работу. Если ты грустен, если у тебя клиническая депрессия, если ты позволяешь себе цинизм — ты нарушаешь заповедь. Позитивное мышление — это догма. От него нельзя отступать. Тысячи коучей повторяют как мантру: «Мысли материальны», «Ты притягиваешь то, о чём думаешь». Никакой критики, никакого анализа когнитивных искажений. Только вера. Грешник получает диагноз «токсичный» и отправляется в социальный карантин.

Третий грех — сомнение в системе. В традиционных религиях сомнение иногда было добродетелью, путем к глубокой вере (теодицея). В религии успеха сомнение — это ересь. Если ты задаёшь вопрос «а есть ли независимые исследования, подтверждающие эффективность вашего метода?», тебя исключают из сообщества. Ты «недоработанный». Ты «в сопротивлении». Ты «не готов к масштабу». Ты просто «недостаточно веришь».

За эти грехи наказывают. Исключают из закрытых Telegram-чатов. Лишают доступа к эфирам. Перестают отвечать на сообщения в личке. А главное — навешивают ярлык. «Он слабый». «Она в жертве». «Они просто завистливые хейтеры». Твоя репутация внутри секты уничтожена. Ты становишься прокаженным. Ты не сможешь больше работать с этим наставником, а возможно, и ни с кем другим из тусовки — потому что все гуру знают друг друга, ходят на одни конференции и боятся ассоциаций с «неудачниками».

Механизм изоляции — один из главных в деструктивных культах. Психиатр Роберт Лифтон в работе «Технология „промыывания мозгов“» описал восемь критериев реформирования мышления. Религия успеха использует минимум пять: требование чистоты (только успех, только позитив), культ исповеди (публичные рассказы о своих провалах на созвонах), священную науку (метод работает всегда, если не сработал — смотри пункт про твои грехи) и язык, нагруженный оценкой (ты либо «проработанный», либо «днище»).

Экономика спасения: воронка страданий

Зачем всё это? Зачем вставать в темноте, зачем кричать в зеркало «Я достоин», зачем верить в то, во что невозможно верить рационально?

Ради спасения.

Да, в религии успеха тоже есть спасение. Только спасе-

ние это — финансовое. Материальное. Плотное. Ты должен стать богатым, свободным, реализованным. И тогда ты будешь спасён. От бедности. От серости панельных районов. От социального забвения. От экзистенциального ужаса осознания собственной смертности.

Но спасение всегда в будущем. Оно никогда не наступает сейчас. Тебе всегда нужен следующий курс, следующая ступень, следующий тариф. Эта бесконечная отсрочка награды — фундамент экономики инфобизнеса.

Бесплатный вебинар — это первая ступень Там тебе показывают чудо возможного, помазывают успехом. Дешевый трипвайр (это недорогой продукт или услуга, цель которых не прибыль, а первое касание с клиентом. Его задача — вовлечь человека в покупку, показать ценность бренда и подготовить почву для продажи основного продукта.) за 490 рублей — вторая ступень, крещение. Там ты уже официально вступил на путь. Основной курс за 50–100 тысяч — третья, причастие. Там ты должен «углубиться» и «проработать травмы». Индивидуальные VIP-консилиумы — четвертая, рукоположение. Там ты получаешь «личное внимание самого гуру». Закрытый клуб «Миллионеры без купюр» — пятая, конклав. Ну и так далее, вплоть до личного ретрита с учителем на Бали.

Если у тебя нет денег прямо сейчас — тебе помогут. Кредит. Рассрочка от банка-партнера. «Это не трата. Это лучшая инвестиция в твоей жизни». Ты же не хочешь упу-

стить своё спасение из-за такой мелочи, как ежесекундный доход среднестатистической региональной семьи? Ведь это не деньги — это пропуск в рай.

И если спасение упорно не наступает — виноват всегда адепт. Недостаточно верил. Недостаточно усердно делал домашки. Недостаточно искренне улыбался на групповом фото. Недостаточно рано встал. Слишком много жаловался. Недостаточно чувствовал. И, конечно, недостаточно платил. Спасение снова отдалилось. Нужно брать следующий уровень.

Здесь есть пугающе точная историческая параллель. В XV-XVI веках католическая церковь массово продавала индульгенции — грамоты, которые якобы отпускали грехи живых и сокращали срок пребывания мертвых в чистилище. Мартин Лютер в 1517 году прибил свои 95 тезисов именно как протест против этой торговли воздухом. Пятьсот лет спустя коучи продают спасение точно так же — только вместо чистилища выступает «серая жизнь обычного человека», вместо грехов — «ограничивающие убеждения», а вместо бумажной грамоты — PDF-файл с дипломом о прохождении модуля. И протестовать некому. Все коучи улыбаются идеальными винирами, показывают арендованные спорткары и говорят: «Всё честно, ребята, спросите у наших подопечных». Только вот разбогатели они не на своих секретных методиках, а на твоём отчаянном желании поверить, что

выход существует.

Анатомия страха: топливо двигателя

Но что заставляет миллионы взрослых, образованных людей отдавать последние сбережения, продавать машины и брать микрозаймы на «квантовый сдвиг реальности»? Почему логика отключается?

Религия успеха держится не на вере. Она держится на четырех базовых экзистенциальных ужасах, которые живут внутри каждого из нас. Гуру не лечат страх. Они его монетизируют. Они — дилеры, которые продают временное облегчение за всё, что у тебя есть.

Страх быть никем. Страх социальной аннигиляции. Что я ничего не значу. Что моя жизнь пройдет как статистическая погрешность. Что после меня останется только забытый аккаунт в соцсети. Гуру обещают вечность: «Ты оставишь наследие». «Ты изменишь мир». Только вот чтобы оставить наследие, нужно сначала купить пакет «Платинум».

Страх бедности. Базовая животная тревога изгнания из племени. Что я останусь без денег, без медицинской помощи, без крыши над головой. Что я буду рыться в мусорном баке, пока мои одноклассники постят фотки из Дубая. Гуру обещают богатство: «Денежный потолок рухнет». «Масштабирование неизбежно». Только вот миллионы приходят на их счета, а не на твои.

Страх отстать (ФОМО). Социальная паранойя цифрового века. Что я упущу окно возможностей. Что технология изменится. Что все вокруг уже купили биткоин, прошли марафон женственности и открыли свои онлайн-школы, а я всё еще работаю в найме. Гуру обещают скорость: «Всего за 90 дней ты станешь лучшей версией себя». Только вот через 90 дней ты будешь на том же месте, но с долгом в 150 000 рублей и выгоранием третьей стадии.

Страх смерти. Самый глубокий. Философ Кьеркегор называл его «болезнью к смерти» — паралич воли перед лицом конечности. Хайдеггер определял человека как «бытие-к-смерти». Осознание финала отравляет радость бытия. Гуру предлагают изящный обман: бессмертие через достижения. «Ты будешь жить вечно в своих проектах, в своем личном бренде, в сердцах учеников». Только вот проекты устаревают, бренды продаются новым владельцам, а ученики уходят к более модным учителям. Иллюзия вечности продается в рассрочку на 24 месяца.

Чоран писал об этом исчерпывающе: «Мы не делаем ничего, кроме как пытаемся заглушить страх. И все наши великие достижения — лишь паллиатив, временная заплатка на теле умирающего». Когда действие марафона заканчивается, абстинентный синдром возвращает тревогу. И ты идешь за новой дозой. Следующий поток. Следующая инициация. Следующий гуру.

Механика разрушения: как ломают волю

Чтобы продать человеку воздух по цене недвижимости, его нужно предварительно подготовить. Современный инфобизнес научился упаковывать пустоту так искусно, что она кажется бриллиантом чистой воды. Для этого используется классическая манипулятивная триада:

Слой первый: терминология как оружие. Сложные концепты клинической психологии переключались в массовый дискурс и превратились в ярлыки для маркетинговой воронки. Слова «газлайтинг», «нарцисс», «токсичность», «абуз», «границы» плотно входят в обиход, как будто термины и знания психологии не требуют нескольких лет изучения. В устах блогера-психолога это превращается в стикеры: партнер не моет посуду — «нарцисс»; начальник просит отчет — «газлайтит»; мама звонит узнать, ела ли ты — «токсичная мать, нарушившая границы». Это продает билеты на лекцию «Как выйти из треугольника Карпмана». И это лишает человеческие отношения человечности.

Слой второй: культ личности и дефицит. Лидер становится живым доказательством метода. Его биография мифологизируется: вчера он собирал бутылки, сегодня у него флотилия яхт. Его история — это евангелие. Как в истории Анны Фесон, объявившей себя Богородицей и учившей женщин семейному счастью, будучи обремененной многомиллионными долгами. Цена её семинаров доходила до 300 дол-

ларов, выездные туры стоили в десятки раз дороже. Она применяла классические методы слома воли: лишала учениц сна и еды. «Удар по базовым потребностям человека ломает его волю. Если человек не может своевременно получать пищу, если не давать ему спать, он теряет способность рационально мыслить. Так воля человека подчиняется другому». В лайт-версии коучинга вас не бьют и не морят голодом. Вас просто держат на эмоциональных качелях 6 часов вебинара, не дают сходить в туалет и давят на чувство вины. Результат идентичен.

Слой третий: эмоциональное расшатывание. Участников систематически доводят до крайних состояний — катарсического отчаяния (упражнение «напиши письмо своей смерти») или истерического массового смеха. Психиатр Маргарет Сингер описывала это как создание диссоциативных состояний. В моменты пиковой уязвимости, когда критическое мышление отключено гормональным всплеском, делается «предложение, от которого нельзя отказаться». Подписывается договор. Привязывается карта. Берется кредит. Это уже не обучение. Это контроль сознания. Это секта, работающая строго по законам капитализма.

Между тем, большинство таких «специалистов» не имеют ни профильного образования, ни лицензий. По данным независимых журналистских исследований рынка образовательных услуг, до 70–80% популярных блогеров-психологов и коучей не имеют базовой терапевтической квалифика-

ции. Они учат «позитивному мышлению», игнорируя сложные эмоции, что клинические специалисты называют «токсичным позитивом» — формой психологического насилия, заставляющей больного отрицать симптомы болезни.

Эпилог: Бог мертв, а был ли он живым?

Ницше полагал, что новость о смерти Бога дойдет до масс лишь через пару столетий. Он недооценил скорость оптоволка и таргетированной рекламы. Уже через сто лет культ достижений прочно занял алтари.

«БОГ УСПЕХА» мертв. Также как и у Ницше. Мы не анархисты. Мы не отрицаем успех как таковой. Успех — это честное достижение поставленной цели, плод труда и таланта. Мы лишь хотим, чтобы вы задумались: кто ставит вам эти цели? Алгоритмы соцсетей? Очередной парень в дорогом костюме на фоне арендованного ламборгини? И что вы действительно получите, достигнув их? Почувствуете ли вы удовлетворение, которое не нужно срочно бежать снимать на камеру для сторис, чтобы все были в курсе что вы счастливы? Или вы просто пересядете с тесного дивана на чуть более широкий, но будете по-прежнему бесконечно одиноки?

Священники новой религии — просто коммерсанты. Многие из них даже не скрывают этого на своих «премиальных» интенсивах, посмеиваясь над «баранами, которые

несут кэш». И в то же время люди идут за ними. Не от глупости. От отчаяния. За неимением чего-то лучшего, за отсутствием собственных идей и внутренних ценностей, которые им не удалось сгенерировать самостоятельно в мире информационного шума. Им дали готовый шаблон счастья, и они схватились за него обеими руками в надежде перестать бояться.

Надежда — это уверенность слабых. Она дает вам силы ровно до тех пор, пока не умрет последней. Почему последней? Потому что есть ненулевая вероятность, что вы умрете раньше неё, потратив всю жизнь на выплату кредита за чужую мечту.

Но вот что остается, когда выключается запись вебинара, когда высыхают слезы коллективной медитации и когда банк блокирует карту из-за подозрительных списаний в пользу «Академии Пробуждения». Вы остаетесь один на один с комнатой. С утром понедельника. С отражением собственного лица в зеркале.

Пустота никуда не делась. Она стала ещё более очевидной, добавив к экзистенциальному ужасу еще и кредиты в банке.

Потому что когда ты перестаёшь убегать, когда ты перестаёшь вставать в 5 утра, чтобы доказать невидимому жюри,

что ты достоин любви, когда ты выкидываешь доску визуализации — ты остаёшься один на один с тем, что всегда было внутри тебя, ты остаешься наедине с настоящим собой.

И это страшно. Это страшнее, чем любой дедлайн и любая задача куратора в личке. Это называется свободой. Только вот её не продают за 50 000 рублей. Её нельзя оформить в беспроцентную рассрочку.

Бог мёртв. И вместо него никто не пришёл. Никакой «успешный успех» не заполнит эту дыру. А те, кто говорит иначе — торгуют воздухом. Их бог настолько же мертв, насколько и Тот, которого им не удалось заменить. Потому что их единственный настоящий бог — это они сами. И они хотят, чтобы ты стал преданным рабом собственной иллюзии, готовым отдать последнее за надежду, созданной их рекламным отделом.

Нет раба более жалкого, чем тот, кто мнит себя свободным, не будучи таковым.

Иоганн Вольфганг Гёте

Глава 2. ПОЗИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Как «будь позитивным» стало оружием?

Три часа ночи. Обычная кухня в спальном районе. Человек сидит над остывшей кружкой чая. У него ипотека, выгорание из-за отсутствия понимания смысла происходящего вокруг. На его запросы к окружающим: «Слушай, мне кажется, я разваливаюсь. Ничего не хочу. Кажется, всё бессмысленно» — он получает ответ: «Хватит себя жалеть! Мысли материальны! Просто не сдавайся! Всё будет хорошо, ты справишься!»

В этот момент происходит тихое убийство. Не физическое — хуже. Убийство чужой реальности. Человек пришёл со своей болью, со своей правдой. Его опыт отрицают, признают негодным и требуют заменить.

Это не забота. Это не поддержка. Это обесценивание, замаскированное под заботу. Собеседники не слышали боли — они увидели что-то неприятное и попытались это заглушить, ведь не дай бог это передастся и им.

И вот здесь необходимо произнести вслух то, что обыч-

но не произносят: позитивное мышление в его современном, коучинговом, инфобизнесовом варианте — это не путь к счастью. Это форма интеллектуального и эмоционального насилия. Инструмент подавления, который лишает человека доступа к полноте его внутреннего опыта.

Человека, которому запретили горевать, злиться, сомневаться и бояться, — такого человека легче вести за собой. Им проще управлять. Он не задаст неудобных вопросов, потому что боится показаться «негативным». Не будет подвергать сомнению идеи, цели, задачи. Вы не услышите скепсис или критическое мышление. Счастливые часов не наблюдают, как в принципе и всё остальное вокруг, кроме источника счастья, на котором они сфокусированы.

Психолог Сьюзен Дэвид в книге «Эмоциональная гибкость» называет это «тиранией позитива» и приводит данные: подавление негативных эмоций не снижает их интенсивность, а лишь увеличивает стресс. Исследования показывают, что навязывание позитива людям в кризисных ситуациях ухудшает их психологическое состояние. Человек перестаёт доверять своим чувствам — а значит, перестаёт доверять себе. Это и есть насилие.

Механизм токсичного позитива

Запрет на негативные эмоции сегодня работает чище, чем

любая инквизиция. Инквизиторы жгли тела. Коучи и их последователи сжигают социальные связи и самооценку. Наказание здесь нематериальное, но от этого не менее болезненное — изгнание из круга, лишение принадлежности, социальная смерть в масштабе одного чата или одной компании.

Механизм прост и состоит из трёх шагов.

Шаг первый: мораторий на правду. Любая эмоция, выходящая за пределы спектра от «я в потоке» до «я масштабируюсь», объявляется нежелательной. Устал? Нет, у тебя просто «низкий уровень энергии», выпей матча. Злишься на начальника? Это твоя «теневая часть просит внимания», иди попиши дневник. Боишься будущего? Это «ограничивающее убеждение», давай проработаем его за пять минут. Каждое живое чувство мгновенно переводится в диагностическую категорию и отправляется на конвейер исправления. Тебе не разрешают просто быть уставшим. Тебе разрешают быть «в процессе проработки усталости».

Это напоминает практики ранних христианских сект, где любое естественное чувство объявлялось «бесовским наваждением». Только тогда это делалось во имя спасения души. Теперь — во имя «эффективности». Механизм тот же: человек перестаёт доверять себе и начинает доверять внешнему авторитету, который знает, что с ним «на самом деле» про-

исходит.

Шаг второй: ярлыки. Для тех, кто нарушает мораторий, существует система социальных наказаний:

«Нытик» — если ты осмелился описать реальность своими словами, а не цитатами из мотивационных сборников. Твоя реальность с её пробками, долгами и хронической усталостью портит картинку. Она не продаётся. Она мешает.

«Жертва» — самый страшный ярлык современности. Назвать человека жертвой — лучший способ заткнуть ему рот. Ведь кто хочет быть жертвой? Это стыдно. Нужно срочно «взять ответственность». Даже если эта ответственность сводится к тому, чтобы признать себя виноватым в том, что тебя обманули, уволили в кризис или сломали.

«Пессимист», «токсик», «человек с низкими вибрациями» — если твоя честность испортила кому-то утреннюю медитацию одним фактом своего существования. Проблема не в том, что мир устроен несправедливо. Проблема в том, что ты об этом сказал вслух.

Шаг третий: управление через страх. Когда человек знает, что за его слезами последует исключение из круга «успешных», где все обмениваются скриншотами доходов и зубо-

дробительными счастливыми фото, он начинает имитировать радость. Носит маску двадцать четыре часа в сутки. Психика тратит колоссальный ресурс на поддержание этой гримасы.

И вот здесь механизм замыкается. Человек с приклеенной улыбкой — идеальный потребитель. Ему можно продать кредит на новый телефон, потому что «ты достоин лучшего». Ему можно продать следующий поток курса, потому что «в прошлый раз вибрации были недостаточно чистыми». Он будет молчать о трещине в фундаменте своей жизни, пока идёт прямой эфир с наставником. Он боится остановиться. Боится, что стоит маске упасть — и стая его отвергнет.

Так позитивное мышление превращается в инструмент контроля. Не грубого, не открытого. Тихого, ласкового, с эмодзи-сердечком. Но от этого не менее действенного.

Чоран: опасность надежды

Эмиль Чоран, румынский философ, проживший большую часть жизни в Париже и написавший свои главные книги по-французски, был человеком, который смотрел на мир без обезболивающего. Для индустрии успеха он — воплощение всего, чего нельзя говорить вслух. Его главная ересь сформулирована предельно ясно:

«Мысль о том, что всё будет хорошо, — самая опасная из всех мыслей. Именно надежда мешает нам спать по ночам».

Это не парадокс ради парадокса. За этой фразой стоит точное наблюдение. Надежда переносит жизнь в будущее. Всегда в завтра. Коуч говорит: потерпи сейчас, визуализируй результат, работай по шестнадцать часов, живи впроголодь три года — и воздастся. Надежда заставляет человека соглашаться на невыносимые условия настоящего во имя мифического приза, который, возможно, никогда не наступит. Это классический приём любой деструктивной системы: страдание ради грядущего рая.

В этом смысле коучинг — точная копия средневековой католической доктрины о чистилище. Ты должен страдать сейчас, чтобы потом получить награду. Только в Средние века награду обещали на небесах, а теперь — на банковском счету. И те, кто продаёт индульгенции, никуда не делись — они просто сменили рясы на пиджаки.

Надежда парализует волю к действию. Зачем менять то, что сломано? Зачем требовать справедливых условий? Зачем уходить оттуда, где тебя разрушают, если можно просто наклеить на монитор стикер «Мои доходы растут каждый день» и подождать? Надежда работает как анестезия. Она позволяет терпеть то, что терпеть нельзя. Она превращает

активное существование в пассивное ожидание.

Чоран предлагает другое: видеть мир таким, какой он есть. Не жестоким, не прекрасным — просто настоящим. С его абсурдом, его несправедливостью, его конечностью. Принятие этой правды парадоксальным образом освобождает. Когда ты перестаёшь надеяться, что некий космический алгоритм выплатит тебе дивиденды за хорошее поведение, ты получаешь право действовать прямо сейчас. Или — что не менее важно — получаешь право не действовать. Право лечь лицом к стене, потому что сегодня среда, ноябрь и тебе плохо. Без вины. Без необходимости это «проработать».

Честное признание того, что всё может не наладиться, даёт больше сил, чем фальшивая эйфория мотивационного спикера. Потому что оно возвращает тебя в настоящее. А только в настоящем можно что-то изменить.

Стоический взгляд: честность важнее комфорта

Современные блогеры превратили стоицизм в карикатуру. Для них стоик — это человек, который обливается ледяной водой, кричит «Амор фати!» и делает вид, что ему не больно. Настоящий стоицизм не имеет к этому никакого отношения.

Стоицизм — это не про натянутую улыбку сквозь боль.

Это про трезвость. Про отказ от иллюзий. Про готовность смотреть на вещи без прикрас.

Сенека учил: не избегай страха. Иди ему навстречу. Сядь вечером в тихой комнате и методично представь худшее, что может случиться. Потеря денег. Болезнь близкого человека. Одиночество. Проживи это мысленно. Не для того чтобы себя мучить — а для того чтобы страх, встреченный лицом к лицу и рассмотренный при свете разума, потерял свою мистическую власть над тобой. Позитив прячет скелеты в шкаф и заклеивает дверцу весёлым плакатом. Стоик открывает шкаф, достаёт скелет, рассматривает его и понимает: да, это есть. Это часть жизни. Рядом с этим тоже можно дышать.

Марк Аврелий, император Римской империи, писавший свои «Размышления» в военных палатках, был далёк от розовых очков. Он писал: «Начинай утро с мыслью: сегодня мне предстоит встретить назойливых, неблагодарных, наглых, коварных, завистливых и недружелюбных людей». Он не говорил «думай о хорошем». Он говорил: «Будь готов к худшему, и тогда ты не будешь сломлен». Современная культура позитива — это антипод стоицизма. Она не готовит к удару — она отрицает сам удар.

Эпиктет говорил: нас ранит не само событие, а наше суждение о нём. Уволили с работы? Это факт. Факт нейтрален,

как камень. Боль причиняет мысль: «Я ничтожество, моя жизнь разрушена, я не справлюсь». Стоик работает именно с этой интерпретацией. Но — и это принципиально важно — он никогда не скажет, что боли нет. Стоицизм не отменяет страдание. Он не говорит «всё к лучшему» человеку, который потерял близкого. Сначала нужно прожить потерю. Пройти через шок. Позволить себе гнев и скорбь. И только потом, когда первая волна схлынула, включить разум и спросить: что я могу сделать дальше?

Это и есть главное отличие стоицизма от позитивного мышления. Стоик допускает боль. Он не притворяется, что её нет. Он не заменяет её на благодарность вселенной. Он признаёт: да, мне тяжело. Да, это несправедливо. Да, я злюсь. И это нормально. А теперь — что я буду с этим делать?

Стоицизм — это философия взрослого человека. Не вечного подростка, пытающегося понравиться миру, а того, кто способен выдержать правду о себе и о жизни, не закрывая глаз.

Гностический взгляд: позитив как игра архонтов

Гностицизм первых веков нашей эры — точка зрения неожиданная, но удивительно точная для разговора о современной индустрии успеха. Гностики считали материальный мир тюрьмой, созданной слепым или злым демиургом. Ар-

хонты — стражи и правители этого мира — заинтересованы в том, чтобы заключённые не осознали своего положения. Цель человека — гнозис, прозрение, узнавание правды о своей несвободе.

Переведём это на язык сегодняшнего дня. Система бесконечного роста, бесконечного потребления, бесконечного «развития» — это наша тюрьма. Стены камеры выложены из долгов, обязательств и страха не соответствовать. Архонты нового времени — это те, кто продаёт тебе иллюзию свободы внутри несвободы: кредиты на «инвестиции в себя», курсы, обещающие квантовый скачок, гуру, торгующие чужой надеждой в красивой упаковке.

И позитивное мышление в этом контексте выполняет функцию создания иллюзии свободы, того что вокруг все настоящее как в «Шоу Трумана». Оно делает камеру уютной. Если заключённый доволен своей камерой, если он искренне верит, что его двенадцатичасовой рабочий день и зарплата ниже прожиточного минимума — это «урок вселенной» и «мышление дефицита», он никогда не посмотрит на решётку. Он сам купит себе более красивую цепь. Он будет вставать в пять утра и благодарить небеса за возможность работать без выходных, потому что «дело не в деньгах, дело в призвании».

В Евангелии Фомы, одном из гностических текстов II века, есть слова: «Если вы познаете истину, истина сделает вас свободными. Но вы не познаете истину, пока не осознаете, что мир — это тюрьма». Две тысячи лет прошло, а мы всё ещё выбираем красивые цепи. Современный культ успеха — идеальная «плерома» (ложная полнота), за которой скрывается пустота. Он даёт тебе всё, кроме одного — возможности остановиться. Потому что если ты остановишься, ты можешь заметить, что клетка, в которой ты живёшь, — это клетка.

Довольный раб — идеальный раб. Ему не нужна свобода, ему нужен чек-лист «Утренний ритуал успешного человека». Позитив блокирует ту здоровую злость, которая необходима, чтобы осознать своё положение и сказать: «Нет! Я вижу решётку. Я отказываюсь играть в эту игру».

Пока ты улыбаешься, ты не замечаешь, где находишься. В этом и состоит главная функция токсичного позитива: не сделать тебя счастливым, а сделать тебя слепым. Достаточно удобно, чтобы никогда не поднимать глаз.

Кинический взгляд: плевать на условности

Диоген Синопский жил в глиняном пифосе на афинской площади. Когда Александр Македонский, величайший завоеватель своего времени, подошёл к нему и предложил исполнить любое желание, Диоген ответил: «Отойди. Ты заслоня-

ешь мне солнце».

В этом ответе — вся философия кинизма. Не нигилизм, не мизантропия, а радикальная независимость от чужой оценки. Диогену не нужен был ни Александр, ни его золото, ни его признание. Солнце было достаточно. Свобода киника начиналась ровно там, где заканчивалась потребность соответствовать ожиданиям других людей.

Киники учили: пока ты зависишь от чужого мнения — от лайков, от оценки начальника, от того, что подумает сосед о твоей машине, от того, как на тебя посмотрят в очереди, — ты не свободен ни на секунду. Ты марионетка, которая думает, что танцует по собственной воле. Счастье, по мысли киников, — это отказ от самой игры. Не победа в ней. Не стратегическое отступление. Отказ.

Александр, услышав ответ Диогена, сказал: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». Величайший завоеватель своего времени завидовал человеку, у которого ничего не было. Потому что у Диогена было то, чего не было у Александра, — полная независимость от внешнего мира. Чоран писал: «Только тот, кто не зависит ни от чего, способен быть свободным. Но для этого нужно отказаться даже от надежды».

Контраст с современным позитивным мышлением разительный. Сегодняшний «позитив» — это самая жёсткая форма зависимости от чужого одобрения. Ты обязан быть милым. Удобным. Ресурсным. Энергичным. Вдохновляющим. Иначе тебя выкинут из круга, как бракованную деталь. Твоя улыбка — это валюта, которой ты платишь за право быть среди людей. Ты не имеешь права быть неудобным, потому что неудобных не любят, а значит — не покупают, не приглашают, не продвигают.

Киник обретает свободу через отказ от самой биржи. Ему не важно, считают ли его «негативным», «неуспешным», «душным». Его покой не зависит от того, сколько людей поставили ему одобрительную отметку. Он сидит на своём солнце, и ему достаточно.

Это не призыв жить в бочке. Это вопрос о том, кому принадлежит твоя жизнь: тебе или тем, кто ждёт от тебя определённой эмоциональной реакции.

Заключение: право на негатив как право на жизнь

Посмотрим, какая картина сложилась. Религиозный изгой-гностик, видящий тюрьму там, где другие видят мир. Император-стойк, анатомирующий собственный страх в походном шатре. Городской бродяга-киник, плюющий на алтари и на императоров. Кабинетный меланхолик Чоран, запи-

сывающий свои горькие наблюдения в парижской мансарде. Люди разных эпох, разных языков, разных судеб.

И все четыре традиции сходятся в одной точке: честность важнее комфорта. Правда о своём падении ценнее глянцевого открытки о своём взлёте. Право сказать «мне плохо» дороже обязанности сказать «я в ресурсе».

Негативные эмоции — это не поломка психики, которую нужно починить. Это не баг, требующий обновления прошивки. Это органы чувств. Это датчики, без которых человек становится слепым и глухим к собственной жизни.

Грусть показывает, что было ценно. Без грусти любовь — это просто совместное проживание. Без грусти потеря не значит ничего, а значит, и сама жизнь не значит ничего.

Гнев указывает на нарушение границ, на несправедливость, на то, что терпеть нельзя. Без гнева человек не способен защитить ни себя, ни других. Без гнева не было бы ни одного освободительного движения в истории.

Сомнение — предохранитель разума. То, что спасает мысль от превращения в догму. Без сомнения любой лозунг становится религией, а любой гуру — пророком.

Страх — система навигации в мире, который не обязан быть безопасным. Не враг, а сигнал. Не то, что нужно «про-работать», а то, что нужно услышать.

Как о страхе писал Майк Тайсон: «Страх — это самое большое препятствие для обучения. Но страх одновременно и твой лучший друг. Страх — это как огонь. Если ты научишься контролировать его, ты заставишь его работать на тебя. Если же не научишься его контролировать, он уничтожит тебя и всё вокруг тебя. Он как снежный ком на холме: пока он не покатился вниз, ты можешь лепить его, перека-тывать его с места на место, делать с ним что захочешь; но если он покатится, то станет большим и раздавит тебя. Поэтому никогда нельзя позволять страху расти и выходить из-под контроля. Иначе ты не сможешь достичь своей цели или спасти себя».

Согласен, он не философ, но именно работа со страхом, по моему мнению, сделала его и чемпионом, и человеком по итогу.

Отказ от этих эмоций — не духовный рост. Это обед-нение. Добровольное сужение палитры собственного суще-ствования до одного цвета: бежевого. Пустота, оформленная как гармония.

Настоящая свобода — это не состояние перманентного

восторга. Настоящая свобода — это право не улыбаться. Право прийти на встречу и сказать: «Мне тяжело!» Право написать текст без призывов к действию. Право прожить свой сложный, неудобный, трагичный и невыносимо прекрасный внутренний мир без необходимости его «оптимизировать».

Право быть живым человеком, а не батареей, которая обязана излучать ровный свет под угрозой отключения.

Отбрось надежду на магическое завтра, как советовал Чоран. Посмотри в лицо своему страху, как учил Сенека. Перестань искать одобрения толпы, как сделал Диоген. Увидь решётку, о которой говорили гностики. Там, в этой холодной, звенящей ясности, куда не добирается свет софитов очередного интенсива, и начинается настоящий покой.

Тебе разрешено быть грустным. Тебе разрешено злиться. Тебе разрешено сомневаться. Тебе разрешено не знать, что будет завтра, и не притворяться, что знаешь.

Это разрешение — единственное, что у тебя никто не сможет отнять. И единственное, которое тебе не нужно просить.

ГЛАВА 3. ДОСТИГАТОРСТВО КАК ЗАВИСИМОСТЬ: ПОЧЕМУ ТВОЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ — ЭТО КРИК О ПОМОЩИ

Портрет достигателя

Пять утра. Темно. На кухне горит холодный свет диодной ленты. Человек с мешками под глазами, которые уже не замаскировать никаким патчем, пьёт воду с лимоном и смотрит на доску в Notion. Там висит канбан-доска его жизни. Колонки «To Do», «In Progress», «Done». В колонке «Done» пусто. В колонке «In Progress» — двадцать семь карточек. Запустить третий бизнес. Выучить древнегреческий. Отжаться сто раз. Прочитать пятьдесят книг за год. Пройти курс по нейрографике. Жениться. Развестись. Снова жениться.

Он открывает календарь. Его день размечен по пятнадцать минут. Поход в туалет включён в график, 08:45–09:00». Если встреча затягивается на две минуты дольше, у него начинается тремор рук — он крадёт время у следующего слота. Он спит четыре часа. Он гордится этим. Когда друзья зовут его выпить пива в пятницу, он скидывает скриншот расписания со словами: «Сорян, дедлайн горит, я в потоке».

Снаружи это выглядит как успех. Обложка журнала. Кейс для бизнес-школы. Коучи продают билеты на стадионы, чтобы научить остальных быть такими же. Но если посмотреть без прикрас — это не успех. Это клиническая картина обсессивно-компульсивного расстройства, приправленного мазохизмом и одобренного обществом. Это человек, который не живёт. Он обслуживает расписание, которое его пожирает.

И вот здесь необходимо провести границу, без которой весь разговор теряет смысл. Достигатор — это не тот, кто много делает. Мало ли на свете людей, которые работают тяжело и долго? Мало ли тех, кто строит дело, воспитывает детей, пишет книги по ночам? Настоящий достигатор отличается не объёмом. Он отличается невозможностью остановиться. Для него пауза равносильна смерти. Его список дел — это не план развития. Это капельница, подключённая к вене, чтобы сердце не остановилось от экзистенциальной паники. Пока есть следующая задача — я существую. Когда задач нет — меня нет.

Это и есть зависимость. Не метафорическая. Настоящая. Со всеми симптомами: толерантностью, ломкой, потерей контроля и неспособностью признать проблему.

В Международной классификации болезней (МКБ-11) есть диагноз «расстройство, связанное с работой» (QD85).

Его симптомы: потеря контроля над рабочим временем, пренебрежение другими сферами жизни, продолжение работы вопреки очевидному ущербу для здоровья. Достигатор — это клинический случай, который общество почему-то называет «успешным человеком». Мы поставили диагноз на пьедестал.

Чоран: действие как побег от себя

Эмиль Чоран не любил людей действия. Он называл их больными. Не героями, не титанами, не «людьми с горящими глазами». Больными. Его формулировка звучит как диагноз:

«Человек действует не от силы, а от неспособности вынести себя в бездействии».

Развернём эту мысль. Действие для современного человека — это самый доступный наркотик. Самый легальный антидепрессант. Самый социально одобряемый способ не встречаться с собой. Мы заняты не потому, что нам есть чем заняться. Мы заняты, потому что пауза невыносима.

Как только мы останавливаемся, выключаем ноутбук, откладываем телефон и садимся в тишину — из тёмных углов начинает выползать то, что мы так старательно утрамбовывали задачами. Страх старости. Осознание того, что жизнь конечна. Глухое, бесформенное одиночество. Ненависть к соб-

ственному отражению. Вопросы, на которые нет ответов: зачем я здесь? Кого я люблю? Что я чувствую прямо сейчас, если убрать все роли и обязательства?

Действие работает как анестезия. Пока ты пишешь стратегию продаж или бежишь марафон, тебе некогда замечать, что брак развалился. Пока ты запускаешь четвёртый проект, тебе не нужно думать о том, что мечта детства давно покрылась пылью и ты даже не помнишь, какой она была. Ты затыкаешь внутреннюю дыру внешними результатами. И дыра не уменьшается. Просто ты перестаёшь в неё смотреть.

Почему пауза страшнее любой работы? Потому что в паузе мы остаёмся наедине с единственным человеком, от которого нельзя сбежать. С самим собой. А встречаться с собой большинству людей невыносимо страшно. Там, внутри, нет фильтров. Нет лайков. Нет подтверждения от аудитории. Там сидит растерянный ребёнок, которому когда-то сказали, что любовь нужно заслужить. Пятёрками. Медальями. Зарплатой выше среднего. И этот ребёнок до сих пор боится, что если он перестанет прыгать, прыгать и ещё раз прыгать — его перестанут любить. Отвернутся. Уйдут.

Чоран видел это с хирургической ясностью. Он понимал, что за лихорадочной деятельностью всегда стоит не энергия, а трусость. Трусость сесть и спросить себя: а что, если я ни-

кому не нужен? А что, если без своих достижений я — пустое место? А что, если я просто не знаю, кто я?

Действие не отвечает на эти вопросы. Действие позволяет их не задавать.

Механизм зависимости: как мы подсаживаемся на действие

Достигаторство — это биохимия. Классическая схема формирования зависимости, где веществом является собственное чувство значимости.

Механизм работает так:

Стимул. Я должен сделать отчёт. Пробежать десять километров. Закрывать сделку. Запустить проект. Опубликовать пост.

Выброс. Мозг выдаёт порцию дофамина. Что важно: не после завершения, а в процессе погони. Сама гонка доставляет удовольствие. Не результат — ожидание результата.

Иллюзия достижения. Задача закрыта. Эйфория длится три секунды. Может быть, тридцать. Потом — тишина.

Пустота. Уровень дофамина падает ниже базового. На-

ступает откат. Мир снова кажется серым и бессмысленным. Внутри снова звучит вопрос, который заглушался бегом: «Кто я, если сейчас ничего не делаю?»»

Новая доза. Чтобы заглушить тревогу, мозг требует новую цель. Более амбициозную. Более масштабную. Масштабирование. Глобальный выход. Покорение новых рынков. Не потому что это нужно. Потому что без этого страшно.

Это называется гедонистической беговой дорожкой. Скорость полотна постоянно растёт. Ты бежишь всё быстрее, но относительно комнаты остаёшься на месте. Каждое новое достижение приносит чуть меньше радости, чем предыдущее. И требует чуть больше усилий. Замкнутый круг, из которого нет выхода, пока ты не перестанешь бежать.

Исследования показывают, что зависимость от работы имеет те же нейробиологические механизмы, что и зависимость от алкоголя или азартных игр. В основе — дофаминовая петля: предвкушение награды даёт больше удовольствия, чем сама награда. Когда человек достигает цели, его мозг получает не удовлетворение, а разочарование — «и это всё?». И требует новой дозы. Это не сила воли. Это биохимия, которую система научилась эксплуатировать.

Но биохимия — только верхний слой. Под ним лежит

нечто более глубокое. Работа для достигатора становится протезом личности. У нас забрали старые системы, которые говорили человеку: ты ценен просто потому, что ты есть. Религия говорила это через любовь Бога. Община говорила это через принадлежность. Семья говорила это через безусловное принятие. Капитализм сказал другое: ты ценен настолько, сколько пользы ты приносишь в единицу времени. Ты — функция. Ты — производительность. Если ты не производишь — ты не существуешь.

Поэтому достигатор боится остановиться. Остановка для него — это не отдых. Это безработица души. Если я не СЕО, не автор курсов, не инвестор, не марафонец — я никто. Пустое место. Биологический мусор, не прошедший проверку на полезность.

Социальное измерение работает как катализатор. Культ занятости стал новым маркером статуса. Раньше статус показывали золотыми часами и маркой автомобиля. Теперь статусом считается фраза: «Я вообще не понимаю, как найти время на сон, у меня шесть проектов и трое детей». Сказать «я сегодня весь день смотрел в стену и думал» — это социальное самоубийство. Тебя сочтут ленивым. Непродуктивным. Проигравшим. Поэтому люди имитируют бурную деятельность даже там, где она не нужна. Даже на похоронах проверяют рабочую почту. Даже в отпуске отвечают на сооб-

щения, потому что страх выпасть из потока сильнее потребности в тишине.

И вот что важно понимать: эта система не случайна. Она выгодна. Человек, который не может остановиться, — идеальный работник. Он не потребует повышения, потому что боится, что его заменят. Он не уйдёт в отпуск, потому что боится, что без него всё рухнет. Он не задаст вопрос «зачем я это делаю?», потому что ответ на этот вопрос может оказаться разрушительным. Система поощряет не силу. Система поощряет неспособность сказать «нет».

Стоический взгляд: что мы можем контролировать?

Эпиктет, раб, ставший философом, сформулировал дихотомию контроля с предельной жёсткостью: существуют вещи, которые находятся под нашим контролем, и вещи, которые вне его. Третьего не дано.

«Под нашим контролем: наши суждения, наши стремления, наши желания, наше отношение к происходящему. Вне нашего контроля: тело, имущество, репутация, должность, погода, курс валют, мнение других людей, решения начальства, поведение близких, ход истории».

Посмотрим на типичного достигатора через эту оптику. Где находится девяносто процентов его энергии? Во внеш-

нем. Он пытается контролировать доход, который зависит от рынка. Статус, который зависит от моды и чужих вкусов. Признание, которое зависит от алгоритмов соцсетей и капризов аудитории. Он строит замок из песка во время прилива и искренне верит, что если строить достаточно быстро и достаточно высоко, вода свое не заберёт.

Но это иллюзия контроля. Внешнее никогда не будет стабильным. Рынок рухнет. Алгоритмы изменятся. Конкурент сделает дешевле. Мода повернётся. Аудитория устанет. И тогда достигатор обнаруживает, что вся его жизнь была построена на фундаменте, которым он никогда не владел. Что его самооценка, его ощущение собственной ценности, его право на существование — всё это было привязано к вещам, которые от него не зависят.

Стоик работает иначе. Он понимает: единственное, что мне действительно принадлежит, — это мой внутренний мир. Моя способность сохранять ясность, когда рушится всё снаружи. Моя способность выбрать, как реагировать. Стоик инвестирует в характер, а не в показатели. В качество своего внимания, а не в количество закрытых задач.

Достигатор пытается управлять миром. Стоик управляет собой сидя посреди шторма. И именно поэтому, когда шторм приходит — а он всегда приходит, — достигатор ло-

мается первым. Потому что его опора была снаружи. Потому что он поставил всё на карту, которая ему не принадлежит.

Марк Аврелий, правивший величайшей империей своего времени, писал в своих «Размышлениях»: «Ты имеешь власть только над своей душой, а не над внешними обстоятельствами. Осознай это, и ты обретёшь силу». Он не был достигатор. Он был правителем, который понимал границы своих возможностей. И именно это понимание позволило ему сохранять ясность в самые тяжёлые дни.

Но здесь важно не скатиться в другую крайность. Стоицизм не призывает к бездействию. Марк Аврелий правил империей. Сенека занимался политикой. Эпиктет преподавал. Стоик не лежит на диване и не ждёт, пока мир пройдёт мимо. Стоик действует. Но он действует иначе. Он делает то, что может, и отпускает результат. Он работает не ради того, чтобы мир его похвалил, а ради того, чтобы быть в согласии с собственным разумом. Его работа — не доказательство ценности. Его работа — естественное выражение того, кто он есть.

Разница между стоиком и достигатором не в количестве сделанного. Разница в том, что происходит, когда дело не получается. Стоик говорит: я сделал, что мог. Этого достаточно. Достигатор говорит: я ничтожество. Я не заслуживаю

права на существование. Мне нужно сделать в два раза больше, чтобы искупить провал.

Кинический взгляд: свобода через отказ от желаний

Если стоицизм — это умение держать удар, оставаясь в игре, то кинизм — это отказ от самой игры. Не проигрыш. Не бегство. Осознанный выход из соревнования, в котором не было приза.

Кратет Фиванский, учитель Зенона, сказал вещь, которая звучит как пощёчина всей культуре достигаторства:

«Бедность — это не отсутствие богатства, а ненасытность желаний».

Киники понимали механику рабства лучше любых экономистов. Тебе не нужна яхта, чтобы быть свободным. Тебе нужно перестать хотеть яхту. Тебе не нужен миллион, чтобы быть спокойным. Тебе нужно перестать думать, что без миллиона ты неполноценен. Каждое желание, которое ты не можешь не удовлетворить, — это ещё одна цепь. Каждый кредит, каждый статус, каждая покупка «для души» — это ещё один хозяин, которому ты служишь.

Достигатор хочет всё больше. Больше денег, больше влияния, больше квадратных метров, больше подписчиков, боль-

ше проектов, больше признания. Каждое новое желание — это новая клетка. Он думает, что строит империю свободы. На деле он строит лабиринт, из которого не может выйти, потому что каждый поворот открывает новый коридор с новой приманкой.

Киник минимизирует потребности. Не из аскезы. Не из самоистязания. Из трезвого расчёта: чем меньше тебе нужно, тем ты неуязвимее. У тебя нельзя забрать то, чего у тебя нет. Нельзя шантажировать увольнением того, кому не нужна карьера. Нельзя купить лояльность того, кто не продаётся. Киник выбирает остановку. Он выходит из беличьего колеса добровольно. Не потому что не может бежать. Потому что понял: колесо никуда не ведёт.

Диоген Синопский, самый известный из киников, жил в бочке и не имел ничего. Однажды он разбил свою единственную деревянную чашу, когда увидел мальчика, пьющего воду из ладоней. Он сказал: «Ребёнок научил меня, что у меня слишком много вещей». Для достигатора этот жест — безумие. Для киника — освобождение. Чем меньше у тебя потребностей, тем меньше у мира рычагов влияния на тебя. И тем спокойнее ты можешь жить.

Контраст убийственный. Достигатор мчится вперёд, думая, что приближается к счастью. Каждый новый проект,

каждый новый рывок — и вот, ещё чуть-чуть, ещё один квартал, ещё одна цель — и тогда точно наступит покой. Но покой не наступает. Потому что он не впереди. Он там, где ты перестал бежать. Киник стоит на месте. Смотрит на небо. Греется на солнце. И понимает то, что достигатор поймёт только на больничной койке: достаточно — это не количество. Это решение.

Страх смерти как двигатель достигаторства

В основе этого невроза лежит страх. Не страх неудачи. Не страх бедности. Более глубокий, более древний, более животный. Страх небытия. Страх исчезнуть.

Мы боимся остановиться, потому что глубоко внутри уверены: пока мы производим шум, мы существуем. Пока мы заняты, пока мы нужны, пока мы приносим пользу — мы реальны. А если остановимся — нас не станет. Не физически. Хуже. Нас не станет социально. Нас не станет в собственных глазах.

Экзистенциалисты называли это бегством от подлинности. Остановиться — значит признать конечность. Если я сяду в тишину, часы продолжают тикать. Песок продолжит сыпаться. Без моих действий жизнь проходит. Не быстрее, не медленнее — просто проходит. И я не могу это контролировать. И это невыносимо.

Отсюда рождается культ «наследия» и «следа». Эти слова звучат на каждом втором вебинаре, в каждой второй книге по саморазвитию. «Оставь след». «Построй наследие». «Твоя фамилия должна греметь». «Создай то, что переживёт тебя». Звучит благородно. Но если присмотреться — это самая циничная манипуляция из всех возможных. Это торговля иллюзией бессмертия. Купи мой курс — и часть твоего эго останется жить в веках. Запусти бизнес — и ты победишь смерть. Напиши книгу — и тебя не сотрёт время.

Но правда в том, что «след» — это иллюзия. Всё исчезнет. Не через тысячу лет. Раньше. Через двести лет твоё имя забудут. Даже если назовут улицу в твою честь, через пятьсот лет табличку снимут, чтобы повесить другую. Археологи будущего будут раскапывать руины наших городов и гадать, кем был этот человек, построивший корпорацию, продававшую воздух. Солнце погаснет. Вселенная остынет. Никакой след не вечен. Никакое наследие не окончательно.

Чоран писал об этом с беспощадной ясностью: «Тщетность всех наших усилий становится очевидной, когда мы думаем о том, что через сто лет никто не вспомнит наших имён. И даже если вспомнят — что изменится для нас? Мы уже будем там, где имена не нужны». Хайдеггер называл это «бытием-к-смерти» — осознание конечности как единствен-

ное, что может вернуть человеку подлинность. Пока мы бежим от смерти, мы не живём. Мы только откладываем жизнь.

И вот здесь кроется парадоксальное освобождение. Как только ты принимаешь факт абсолютного, гарантированного забвения — необходимость сходить с ума прямо здесь и сейчас исчезает. Если конец неизбежен и одинаков для всех — и для императора, и для бездомного, и для того, кто оставил след, и для того, кто не оставил, — зачем тратить свое время на написание никому не нужного отчёта в субботу вечером? Зачем жертвовать единственным вечером с ребёнком ради презентации, которую никто не вспомнит через неделю?

Осознание смертности должно не заставлять бежать быстрее. Оно должно давать право выдохнуть. Право сказать: я конечен, и это нормально. Я не успею всё, и это нормально. Я не оставлю следа, и это нормально. Моя жизнь не должна быть монументом. Она может быть просто жизнью. Тихой, маленькой, незаметной. И от этого не менее настоящей.

Сила в бездействии

Подведём итог этого вскрытия.

Достигатор — это не признак силы. Это кричащая, пульсирующая слабость. Дефицит способности находиться наедине с собственной душой. Аллергия на самого себя. Ему

нужен внешний шум, чтобы не слышать эхо внутренней пустоты. Ему нужен список из двадцати семи задач, чтобы не задать себе один вопрос: а чего я хочу на самом деле? Не чего от меня ждут. Не что продаётся. Не что выглядит успешно. А чего я хочу. И часто ответ на этот вопрос — тишина. Покой. Ничего неделание. И именно поэтому достигатор бежит от этого ответа со всех ног.

Настоящая, взрослая, непоказушная сила — она тихая. Она не кричит в соцсетях о своём утреннем ритуале. Она заключается в способности остановиться. Посидеть в кресле. Выпить чай, не читая при этом книгу по саморазвитию. Посмотреть в окно на проезжающие машины. Ничего не делать. И при этом не испытывать рвотного рефлекса вины. Не тянуться за телефоном. Не открывать рабочую почту. Не планировать завтрашний день. Просто быть. В настоящем. В своём теле. В своём дыхании.

Альтернатива достигаторству — это не лень. Это важно сказать, потому что достигатор немедленно попытается превратить бездействие в ещё один проект: «Я буду профессионально отдыхать! У меня будет система восстановления! Я оптимизирую свой покой!» Лень — это тоже напряжение. Ленивый человек обычно чувствует себя виноватым, а значит, он всё ещё внутри системы координат, где нужно заслужить право на существование.

Альтернатива — это бытие. Право на паузу без объяснений. Право на «ничего» без чувства долга. Право быть никем в глазах общества потребления. Право прожить день, не создав ни одной единицы контента, не закрыв ни одной задачи, не продвинувшись ни на миллиметр к мифической «лучшей версии себя».

Чоран писал: «Только тот, кто способен на бездействие, способен на подлинное действие. Остальные — просто механизмы, приводимые в движение внешней силой». И это, пожалуй, самый важный вывод, который можно сделать из всего нашего разговора. Способность ничего не делать, не чувствуя при этом вины, — это не слабость. Это высшая форма свободы. Это признак того, что ты вышел из игры, где приз — пустота.

Может быть, единственный настоящий успех в нашей цивилизации бесконечного бега — это успех в умении не бежать. Успех в том, чтобы снять кроссовки, лечь на траву, смотреть на облака и чувствовать абсолютный, ничем не мотивированный покой. Не покой как награду за продуктивность. Не покой как заслуженный отдых после марафона. А покой как естественное состояние, которое было всегда, просто мы так долго бежали, что забыли, как стоять.

Тебе не нужно разрешение вселенной, чтобы отдохнуть. Тебе не нужно покупать курс, чтобы научиться дышать. Тебе не нужно доказывать свою ценность, прежде чем лечь на диван. Выключи телефон. Встречайся с пустотой. Она не такая страшная, как обещали твои наставники. В ней нет монстров. В ней есть тишина. А в тишине — ты. Настоящий. Без задач. Без дедлайнов. Без канбан-доски. Просто ты.

И этого достаточно. Этого всегда было достаточно.

ЧАСТЬ II. ИНСТРУМЕНТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ

ГЛАВА 4. ИСКУССТВО БЕЗДЕЙСТВИЯ

Переопределение бездействия

В мире, где твою ценность измеряют количеством закрытых задач в трекере и скоростью ответа в мессенджере, есть один радикальный акт саботажа. Это не революция на баррикадах. Не взлом серверов. Не уход в тайгу с рюкзаком гречки.

Это просто остановка.

Для современного мира это не просто странно. Это оскорбительно. Это нарушение негласного договора, по которому каждый обязан быть занятым, продуктивным, включённым. Сидящий без дела человек — это вызов. Провокация. Живой упрёк всем, кто бежит.

И вот здесь необходимо произнести вслух то, что обычно произносят шёпотом, с виноватой улыбкой: бездействие — это не лень. Это принципиально другое явление. Разница между ними фундаментальна, как разница между обмороком и осознанным решением закрыть глаза.

Ленивый человек хочет результата, но ему слишком дискомфортно за него платить. Он страдает от своего безделья. Грызёт себя чувством вины. Мечтает о том дне, когда «наконец-то возьмёт себя в руки». Лень — это пассивная капитуляция. Это поражение, которое человек не хотел терпеть, но не смог избежать. Ленивый человек всё ещё внутри системы координат, где нужно заслужить право на существование. Он просто не может заплатить по счёту.

Стратегическое бездействие — это нечто иное. Это отказ от действия из осознания его бессмысленности или токсичности для психики. Это активный выбор взрослого человека, который посмотрел на правила игры, взвесил их, понял, что приз в этой игре — выгорание, а финишная черта нарисована над пропастью, и сказал: «Спасибо. Я пас». Не потому что не может бежать. А потому что понял: бежать некуда.

Бездействие как акт сопротивления. Я не буду участвовать в этой гонке не потому, что у меня нет сил. А потому что я отказываюсь тратить единственную жизнь на обслуживание чужих ожиданий. Я отказываюсь мерить свою ценность количеством закрытых спринтов. Я отказываюсь просыпаться в пять утра, потому что так велел гуру из подкаста.

Что, если самый радикальный поступок в современном

мире гиперпродуктивности — это просто сесть на стул, положить руки на колени и смотреть в стену? Что, если высшая форма бунта против системы, требующей бесконечной отдачи, — это твоя неспешность? Твоё право на тишину. Твой отказ от ещё одного рывка?

Это не нигилизм. Это не депрессия. Это не апатия. Это философия, у которой есть имя, история и практика. И ей две с половиной тысячи лет.

Три аспекта бездействия

Чтобы бездействие не превратилось в бесформенное лежание на диване с чувством вины, его нужно понимать тактически. У него есть структура. Три фильтра восприятия, три принципа, на которых оно держится.

Первый аспект: не участвовать в гонке, когда она бессмысленна.

Большинство людей бегут по умолчанию. Им сказали, что к тридцати годам надо иметь ипотеку, машину и стартап, — и они побежали, даже не спросив, куда ведёт трасса. Им сказали, что к сорока нужно быть руководителем, иметь пассивный доход и опубликовать книгу, — и они побежали быстрее, не оглядываясь. Никто не спросил их: а ты этого хочешь? Или тебе сказали, что ты должен этого хотеть?

Практика бездействия начинается с вопроса, который в культуре достигаторства считается неприличным: «А куда мы вообще бежим? Принесёт ли мне радость этот миллион, ради которого я не вижу своих детей? Этот статус, ради которого я не сплю третью ночь подряд? Этот проект, ради которого я ненавижу утро понедельника?»

Научиться видеть, когда игра не стоит свеч, — первый шаг к свободе. Если достижение цели требует продать здоровье, отношения и последние остатки внутреннего покоя, — цель навязана тебе кем-то другим. Ты бежишь чужой марафон в чужих кроссовках. И финиш не принесёт облегчения, потому что ты финишируешь не там, где хотел оказаться.

Это не значит, что нужно бросить работу и уехать в монастырь. Это значит — задать вопрос. И если ответ честный: «Я делаю это, потому что боюсь осуждения, а не потому что мне это нужно», — тогда у тебя появляется выбор. А выбор — это уже свобода.

Второй аспект: не отвечать на провокации.

Система постоянно тычет тебя палкой. Уведомления. Срочные письма с пометкой «ASAP». Новости об успехах одноклассников, которые ты не открывал, но кто-то заботли-

во переслал. Требование немедленно составить план развития на пять лет вперёд. Коллега, который в пятницу в шесть вечера пишет: «Слушай, тут мелочь, на пять минут». Спойлер: это не мелочь и не на пять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.